

«ПРЕДЕЛЫ» ВЛАСТИ В ИСТОРИОГРАФИИ В. Е. ВАЛЬДЕНБЕРГА

Е. А. Оболонская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 февраля 2014 г.

Аннотация: в статье анализируются работы В. Е. Вальденберга о сущности и пределах царской власти, выявляются источники и детерминанты характера и качества верховной власти, зафиксированные в русской политической мысли, институциональные и внеинституциональные способы ее ограничения.

Ключевые слова: В. Е. Вальденберг, власть, кратология, русская политическая мысль, легитимация, автократизм, этатизм, византинистика.

Abstract: the article analyzes the works of V. E. Valdenberg about the essence and limits of tsarist power, identifies the sources and determinants of the nature and quality of sovereignty enshrined in the Russian political thought, institutional and open care ways of its limitations.

Key words: V. E. Valdenberg, power, kratologiya, Russian political thought, legitimation, autocratic, statism, Byzantine science.

Исследования Владимира Евграфовича Вальденберга (1871–1940) известны в мировой византистике и историографии русской политической мысли. Некоторые из его работ долгое время находились в рукописях в Петербургском филиале архива Академии наук. В 1999 г. участники научного проекта «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» опубликовали результаты обследования петербургских архивохранилищ, куда включили и описание архива В. Е. Вальденберга [1]. И только в 2006–2008 гг. сотрудниками СПбГУ были подготовлены к печати две рукописи В. Е. Вальденберга из выявленного архива: «История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства» (писалась в 20-е – 30-е гг.) и «Государственное устройство Византии до конца VII века» (30-е гг.) [2; 3].

Работа «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века» была опубликована в 1916 г. и стала фактически первым историографическим исследованием сущности и пределов царской власти в Русском государстве применительно к периоду X–XVII вв. [4]. К византистике Вальденберга привели результаты проделанной работы, интерес к сходству и различиям политических понятий романо-германского и славянского мира, потребность в анализе византийской политической литературы для определения степени ее влияния на русские политические понятия. В отечественной историографии к этому времени уже были известны работы М. А. Дьяконова (1889 г.) и В. И. Саввы

(1901 г. [54; 6], в которых затрагивались некоторые аспекты формирования отечественной кратологической концепции в раннефеодальный период. В 20-е гг. XX в. в Праге появились работы представителя евразийской теории государства и права М. В. Шахматова [7]. Работа Вальденберга была высоко оценена в 20-е гг. академиками Н. К. Никольским и Ф. И. Успенским [1, с. 423] и в настоящее время представляет чрезвычайный интерес по ряду причин. Во-первых, с точки зрения изучения и преподавания истории русской политической мысли автор использовал редко встречающийся проблемно-хронологический подход к исследованию политических идей, концепций и явлений. Вальденберг, по меткому замечанию отечественного византиста И. С. Чичурова (1946–2008), исследует не просто литературу, а политическую мысль [8, с. 5]. Во-вторых, автор применяет сравнительный анализ разных типов источников и литературы, что для изучения средневековых и более поздних концепций государства и власти, нередко привлекаемых с целью аргументирования сторонниками современного консерватизма и других течений, весьма актуально и востребованно в нынешнем политологическом дискурсе. В круг используемых источников автор включает патристику (заслуживающую отдельного рассмотрения), памятники византийской политической мысли, древнерусскую литературу, а также литературу эпохи Московского царства и Смутного времени. В-третьих, методика автора, вопросы, которыми он задается в процессе исследования, позволяют не только составить представление о степени ограниченности великокняжеской (царской) власти и факторах, ее определяющих,

но, идя путем дальнейшего сравнительного анализа первоисточников, традиций мировосприятия, осмысления основ христианских представлений о власти, получить дополнительные аргументы, влияющие на традицию сущности и «пределов» верховной власти в Российском государстве, соотношения и проявлений этатизма и автократизма.

Другие исследования Вальденберга также носят явную политологическую направленность. Свое отношение к политике, власти, политической этике и политической философии автор высказывал в работах «Основания макиавеллизма», «Мое политическое кредо», «Государственные идеи Крижанича», «Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях», в статьях об Иване Пересветове и Иване Посошкове, славянофильстве и др. [9–12; 1, с. 440–441].

Ранее в докладе, представленном на Восьмой региональной научной конференции «Власть и общество: механизмы и взаимодействия и противоречия» (февраль 2014 г.), автором настоящей статьи была обозначена основная тема «Древнерусских учений о пределах царской власти...»: это отражение в древнерусской и последующей литературе причин образования в России самодержавной царской власти, степени ее ограниченности на разных этапах исследуемого периода и факторов, влияющих на «пределы» верховной власти. Последовательный анализ работ Вальденберга позволяет расширить эту проблематику обоснованием доминирования аксиологических установок в русской политико-философской традиции, нарастанием автократических практик в определенные исторические периоды, несформированностью институциональных «пределов» власти.

Рассматривая в своей работе трактовку термина «самодержавие», степень наличия абсолютной власти у византийских императоров и возможность ее заимствования русскими князьями и царями, наличие идеи противодействия князю (царю) со стороны народа в русской политической мысли, возможность ограничения власти царя определенным сословием или «Вселенским собором», Вальденберг делает предположения и выводы, чрезвычайно актуальные как для нынешних проявлений политической жизни, так и для современного политологического дискурса. Изучение совокупности работ Вальденберга и сходной по проблематике литературы формирует дальнейшее перспективное исследовательское направление: кросс-культурное и эволюционное сопоставление представлений о власти, формирующихся в политических традициях с точки зрения исторической ретроспективы.

Рассматривая трактовку термина «самодержавие», Вальденберг приводит привычное для нас понимание термина, сложившееся в том числе под влиянием Н. М. Карамзина: самодержавие есть «не-

ограниченность в смысле полноты и нераздельности власти» [4, с. 9]. У Карамзина самодержавие – это единовластие, т.е. «сосредоточение власти, принадлежавшей до тех пор удельным князьям, в руках одного московского князя» [там же]. Вместе с тем Карамзин не отождествляет неограниченную власть с тиранией (в том числе и применительно к Ивану IV). Привлекая авторитетные для своего времени труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. С. Иконникова, Вальденберг обращает внимание на то, что все указанные авторы сходятся в следующем: для Древней Руси характерно «отсутствие ограничения светской власти со стороны духовной» [там же, с. 14], объясняя эту черту влиянием византийских идей. Вальденберг, детально анализируя византийские законодательные сборники «Эклогу», и особенно «Эпанагогу», в дальнейшем подойдет к этой проблеме несколько иначе, поясняя, что со времен князя Владимира фактором, сдерживающим великокняжескую власть по отношению к христианскому населению (но не к язычникам), становится христианство [там же, с. 77]. Таким образом, по мнению Вальденберга, изначально самодержавие все же не совпадало с неограниченностью власти князей и московских государей, и в первую очередь это было связано с распространением христианской нравственности, ограничивающей власть. Но ведь и языческие представления о власти продолжали влиять на формирование русских политических традиций, и нельзя игнорировать проникновение работ античных авторов на территорию Древнерусского государства и Московского царства. В связи с этим весьма перспективным представляется сопоставление античной, языческой, христианской (византийской) традиций воззрений на власть применительно к концепциям власти, формирующимся в русской политической мысли, и реализуемым на практике, – в этом направлении развивалась исследовательская деятельность Вальденберга.

Труд В. О. Ключевского «Боярская Дума», вышедший в 1882 г., нанес решительный удар, по выражению Вальденберга, «отождествлению самодержавия с неограниченностью» [4, с. 14]. Ключевский оспорил точку зрения о том, что «власть московских государей была неограниченной», и высказал мысль, которой явно симпатизирует Вальденберг: «Московский государь имел обширную власть над лицами, но не над порядком» [там же]. «Изменить установившийся порядок политических отношений он был не в силах, потому что он был не им установлен, и ему приходилось этому порядку подчиняться» [там же, с. 15]. А это уже ограничение власти традицией, некими внеинституциональными (неформальными) нормами, закладывающее основу для будущей легитимизации традиций. Очевидно, что в русской политической мысли наблюдается проявление, а затем и доминиро-

вание аксиологических установок над формальными правилами и нормами. Легитимизирующей ролью традиций в XVI в. воспользуется митрополит Филипп, обосновывая повиновение власти Ивана IV: «От Бога та власть, и той власти надо повиноваться, которой повиновались отцы и деда, которая есть власть по старине» [там же, с. 156].

Еще одна идея Ключевского, высказанная в сочинении «Боярская Дума», привлекла внимание Вальденберга – это понимание термина «самодержавие» не просто как «неограниченной власти», а как власти самостоятельной (на что, кстати, было направлено еще «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона в XI в.). Это признак внешней независимости страны, и того, что «московский государь уже не признавал себя данником татарского хана» [там же, с. 15]. По мнению Ключевского, в политическую риторику этот термин входит не без участия Софьи Палеолог – второй жены Ивана III, племянницы последнего византийского императора Константина. Для Максима Грека титул самодержца прилагается только к истинному царю, его понимание этимологии слова «самодержец» следующее: «тот, кто сам над собой господствует и не дает себя во власть страстям» [там же, с. 217]. Таким образом, мы наблюдаем очень важное (и современное) разделение значений в осмыслении термина «самодержавие»: исследование собственно «титула» и исследование объема, содержания, качества власти.

В XVI в., в «Беседах валаамских чудотворцев» (автором которых мог быть инок Вассиан Патрикеев) находится толкование самодержца как такого царя, который «сам держит власть, не подчиняясь ничьим мнениям и советам» [там же, с. 248]. Вальденберг предполагает, что это авторское толкование термина «самодержавие», не имевшее распространения в Московском царстве и литературе того периода. По мнению Вальденберга, произведенный анализ литературы показал, что в предшествующей истории именно такого смысла термин вообще не имел [там же, с. 249].

Еще одна выявленная автором настоящей статьи проблема – это проявления наличия фактической абсолютной власти у византийских императоров и степень ее заимствования русскими князьями и царями. Вальденберг не разделяет мнения о том, что абсолютистские порядки были заимствованы только лишь у Византии, в результате чего объем самодержавной власти московских государей возрос до абсолютизма. (Можно заметить, что Вальденберг неоднократно возвращается к проблеме демократических основ византийской монархии, используя методы юридической школы, отделяя законодательные источники от политико-философских, выделяя юридическую основу двойственности в понимании

характера и объема власти византийского императора.) Но Вальденберг и не акцентирует внимания на том, в результате воздействия совокупности каких традиций, факторов, предпосылок в Московском царстве стали наблюдаться проявление и усиление автократических практик, подтверждая, что Иван Грозный «не признает никаких вообще пределов царской власти» [там же, с. 285]. Было ли это следствием особого типа личности Ивана Грозного или детерминированной (общевропейской в XVI–XVII вв.) тенденцией к автократии и абсолютизму с проявившимися деспотическими формами осуществления ввиду отсутствия институционализированных «пределов» царской власти? Органичным русским явлением или следствием особенностей хода русской истории, и (или) в том числе влияния византийской политической мысли, и далее – идеологии средневековья?

Как считают византилисты, византийский император в представлениях его подданных рисовался как неограниченный монарх, который преступал законы, но при этом избирался всем народом (или войском), а Сенат утверждал выборы. Народ в Византии мог не только избирать императора, но и низлагать его. Таким образом, византийский император был избираем народом, легитимен и автократичен. Автократизм, по мнению Вальденберга, у византийского императора – это фактическая возможность, которая «не была еще законным правом» [там же, с. 43]. Итак, наличие у византийцев на протяжении столетий «права на революцию» не удерживало императора от автократических действий. Византийский император действовал в соответствии с известным изречением римского юриста Ульпиана: «*princeps legibus solutus est*» («император свободен от всех законов государства»). И это при том, что «Эпанагога» – византийский сборник законов конца IX в. (фактически византийская Конституция) – ставит византийского императора в рамки закона. Он должен подчиняться позитивным законам, и над ним стоят нравственные законы и каноны православной церкви. В этом смысле в соответствии с правом власть византийского императора была ограниченной. Несмотря на определенное влияние византийской литературы на русскую политическую мысль, по мнению Вальденберга, формула «император свободен от всех законов государства» не встречалась в русском переводе вплоть до конца XVII в. Следовательно, вплоть до конца XVII в. русская политическая литература «не имела в своем распоряжении одного из главных аргументов в пользу неограниченной царской власти» [там же, с. 52].

С точки зрения современного звучания вышеобозначенных проблем важен выбор тренда: монархия с преобладанием этатизма, но с элементами конституционализма, т.е. институциональными ограничениями

ми, или монархия-автократия с деспотическими формами осуществления, которым не поставлены «институциональные барьеры». В последнем случае при отсутствии нравственных самоограничений реализуется следующая практика: «quod principi placuit, legis habet vigorem» («что угодно повелителю, то имеет силу закона»).

Как известно, в русской истории и литературе XIV–XVII вв. велись постоянные дискуссии об отношениях духовной и светской власти и доминировании одной из них. Вполне возможно предположить, что церковь могла стать тем институтом гражданского общества («мира»), который действительно и институционально мог повлиять на пределы царской власти «извне». Поставить «пределы» царской власти могло бы и противодействие со стороны народа или отдельных сословий. Вальденберг считает, что обозначенные идеи отчетливо присутствуют в древнерусской литературе, начиная с конца XIII в. (в том числе и в патристике), в период правления Дмитрия Донского, великого князя Московского, и митрополита Киприана. Именно Киприан призывал монахов «к выступлению против распоряжений великого князя» [4, с. 126], также он считал, что противодействие князю должно быть и со стороны мирян. «Он сожалеет, что миряне, связанные заботой века сего, блюдутся князя, то есть боятся ему противодействовать» [там же]. Таким образом, Киприан в XIV в. ставил для подданных «определенные границы повиновения государственной власти» [там же].

С продолжением темы о возможности восстания уже против царя-тирана и его личного произвола в гораздо более резкой форме мы встречаемся у Иосифа Волоцкого и его ученика – митрополита Даниила, ставшего главой иосифлян после смерти учителя. По мнению Вальденберга, именно иосифляне первые в русской литературе выставили не просто идею, а учение «о правоммерном сопротивлении государственной власти» [там же, с. 188–189].

Заметными, по мнению Вальденберга, становятся в литературе XVI в. дискуссии о целесообразности для великого князя боярских и иных советов. Фактически речь идет о проявлениях внутривластной, внутриэлитной борьбы, противодействии влиянию на царя представителей одного сословия. Основными участниками этой дискуссии выступали представители образованной элиты своего времени: церковные деятели, боярское сословие. Возможно, тем самым они стремились к институциональным, а не узкосословным ограничениям действий царя. Вальденберг многократно обращается к идеям Максима Грека о недопустимости пренебрежительного отношения к советникам, среди которых могут быть и князья, и бояре, и воеводы, и представители духовной власти, «единоличное же управление государством есть гор-

дость и ведет к гибели» [там же, с. 215]. Иной позиции относительно государственной власти придерживался архиепископ Ростовский Вассиан Рыло: «Перед Богом ответственным является только он один: если вся ответственность лежит только на государе, а не на боярах, то и действовать он должен по собственному усмотрению» [там же, с. 160]. Так, впервые была заявлена во взаимосвязи идея персональной ответственности царя перед Богом и его (царя) самостоятельности. Эту позицию разделяет автор «Беседы валаамских чудотворцев»: «Участие в управлении пособников в лице представителей монашества... противоречит понятию самодержавия, и царь, желающий сохранить свое значение, должен устранить такое пособничество» [там же, с. 248]. А далее в тексте «Беседы» мы явно встречаемся с началом «боярского эгоизма», так как участие бояр в государственной власти вполне допустимо [там же, с. 249], что активно станет поддерживать А. Курбский. Содержание «Беседы», по мнению Вальденберга, дает также некие, не слишком убедительные основания полагать, что речь идет и о «прочих мирянах» в управлении [там же, с. 251]. Таким образом, мы наблюдаем противоречивую позицию: с одной стороны, самодержавие, не допускающее советников, прежде всего иноков, к управлению государством; с другой – поощрение советов и участия боярства. То есть автора заботит «попросту то, кому будет принадлежать право быть царскими советниками» [там же, с. 249]. На указанное противоречие, на наш взгляд, можно посмотреть и с другой стороны: не является ли мысль об участии боярства во власти идеей опять же институционального, но узкосословного (а не церковного) ограничения царской власти, и прежде всего – власти Ивана IV Грозного, в правление которого начинается острая внутривластная борьба. В свою очередь, против боярского возвышения и за опору царской власти на народные массы, военное сословие явно высказывается И. Пересветов который считал, что боярство «не думает ни о какой правде, а корыстолюбие его может быть причиной больших бед для государства» [там же, с. 267–268]. Именно взгляды И. Пересветова в большей степени привлекают Вальденберга, так как, по его мнению, они имеют не личное (как у А. Курбского), а политическое содержание.

Специфическими являются взгляды Ю. Крижанича, не случайно ему уделено внимание не только в «Древнерусских учениях о пределах царской власти», но и в других работах Вальденберга [там же, с. 333–347; 11]. Во-первых, сам стиль его рассуждений близок стилю таких европейских мыслителей, как Г. Гроций, Т. Гоббс. Во-вторых, Крижанич называет конкретные ограничения царской власти: это Заповеди Божьи и православная вера, справедливый суд,

свобода от повинностей, естественное право, общественное мнение, интересы славянского единства, неповиновение царю, отречение от православной веры [там же, с. 344–346].

Подводя итоги, можно признать весьма убедительными выводы Вальденберга о том, что за все время от начала русской письменности до конца XVIII в. в русской литературе не было ни одной теории, «которая устанавливала бы неограниченность царской власти» [там же, с. 352]. Напротив, в древнерусской литературе встречаются следующие виды ограничений: 1) ограничение нормами, обязательными для царя, в том числе Законом Божьим, христианским и человеческим обычаем, традицией, представлениями о нравственности, аксиологическими установками; 2) узкословное или «вселенское» ограничение царской власти другой властью (патриарха, Боярской Думы, Земского собора, общественного мнения), но все же на правах нравственно-совещательного, ограниченного участия; 3) право за подданными свободного суждения о действиях царей и возможного сопротивления. Все вышперечисленные ограничения объединяет то, что они носят в основном не формально-правовой, а условный (внеинституциональный) характер, не создающий «запас прочности» для сдерживания автократических тенденций, усилившихся в XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. чл.-кор. РАН И. П. Медведева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 631 с.
2. Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских

течений и законодательства / В. Е. Вальденберг. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 535 с.

3. Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII века / В. Е. Вальденберг. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 224 с.

4. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В. Е. Вальденберг. – М. : Территория будущего, 2006. – 368 с.

5. Дьяконов М. А. Власть московских государей : очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. Серия «Из наследия мировой политологии» / М. А. Дьяконов. – М. : URSS, 2013. – 224 с.

6. Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы : к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей / В. И. Савва. – Харьков : Типография и литография М. Зильберберг и Сыновья, 1901. – 405 с.

7. Шахматов М. В. «Государство правды» / М. В. Шахматов. – М. : ФонДИВ, 2008. – 312 с.

8. Чичуров И. С. Политический идеал Средневековья (Византия и Русь) / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1991. – 176 с.

9. Вальденберг В. Е. Политические основания макиавеллизма / В. Е. Вальденберг. – Режим доступа: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=69>

10. Вальденберг В. Е. Мое политическое кредо / В. Е. Вальденберг // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 112–114.

11. Вальденберг В. Е. Государственные идеи Крижанича / В. Е. Вальденберг. – СПб. : Типография А. Бенке, 1912. – 343 с.

12. Вальденберг В. Е. Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях / В. Е. Вальденберг // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 115–127.

Воронежский государственный университет

*Оболонская Е. А., кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии и политологии*

E-mail: elenaobolonskaya@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State University

*Obolonskaya E. A., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Sociology and Politology Department*

E-mail: elenaobolonskaya@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43